

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НА СЕВЕРНЫЕ ПРОВИНЦИИ ПЕРСИИ

Базин Олег Александрович

доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
и муниципального управления

Государственного образовательного учреждения
высшего образования Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет»;
кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматривается влияние «российского фактора» на иранскую революцию 1905–1911 гг., дается оценка состоятельности концепции «Пробуждения Азии» применительно к событиям в Персии.

Первая российская революция 1905–1907 гг. оказала большое влияние на развитие восточных государств. В советской историографии для демонстрации этого влияния была сформулирована концепция «Пробуждение Азии», связывающая революционные события в Персии, Индии, Китае, Османской империи с революциями в России. Большинство современных востоковедов критикуют эту концепцию. Действительно, применительно к Синьхайской революции в Китае и Младотурецкой революции в Османской империи влияние российских революционеров четко не прослеживается. В то же время нельзя полностью отрицать концепцию «Пробуждения Азии», и примером этому служит роль большевиков в иранской революции 1905–1911 гг.

В отличие от других стран Востока в начале XX века Персия была тесно связана с Российской империей. Территория этого древнейшего государства стала предметом геополитической борьбы России и Великобритании. Изначально российско-английское противостояние содержало региональный аспект. Еще до подписания соглашения 1907 г. в северных провинциях Персии большое политическое и экономическое влияние имела Российская империя. Кроме того, персидское население северных провинций по этническому и религиозному составу было близким к части населения российского Закавказья.

Персия представляла особый интерес для российских социал-демократов. Во-первых, на рубеже XIX – начале XX века появился канал для проникновения социалистической идеологии в персидское общество. Из-за колониальной экспансии иностранных государств положение населения Персии значительно ухудшилось и среди жителей северных провинций распространилось отходничество на территорию Российской империи. Центром сосредоточения персидских отходников в русском Закавказье стал район Баку. В 1904 г. там насчитывалось 7 тыс. персидских отходников – свыше 20% всего бакинского пролетариата [4, с. 143]. К этому времени Баку, в том числе благодаря инвестициям иностранного капитала, стал крупным промышленным центром, в котором проживало большое количество пролетариата и наблюдалась значительная активность российских последователей марксизма. Бакинский комитет РСДРП с большим вниманием следил за событиями в соседней Персии и вел агитацию среди персидских отходников. Возвращаясь на свою родину, они приносили социалистическую идеологию, которая действительно сыграла большую роль в иранской революции 1905–1911 гг. Вернувшиеся в Персию отходники несли с собой новые радикальные идеи. Эти идеи жадно впитывались голодающим персидским населением. На рубеже XIX–XX вв. в Персии резко обострилась продовольственная проблема, что вело к голодным бунтам и народным демонстрациям, сопровождавшимся разгромом домов спекулянтов и торговцев зерном, и способствовало возникновению революционной ситуации. Кроме того, Российская империя в

Персии проводила политику, близкую к колониальной, что создавало хорошую почву для осуждения большевиками царской России и распространения революционных настроений в российском обществе.

Во-вторых, ход событий первой русской революции 1905–1907 гг. и иранской революции 1905–1911 гг. имел много общего. Эта связь отмечалась в листовках Бакинского комитета РСДРП: «Персидский народ, воодушевленный великой борьбой России с самодержавием, решил ограничить своего деспота» [2, с. 261]. Лидер большевиков В. И. Ленин отмечал, что «в Персии произошла контрреволюция, своеобразно соединившая российский разгон первой Думы с иранским восстанием конца 1905 г... Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров» [3, с. 259].

Связь русской и персидской революций не была пропагандистским мифом большевиков, ее признавали даже иностранцы, посетившие Персию во время революционных событий. Английский очевидец иранской революции в августе 1906 г. отмечал, что: «Русская революция оказала здесь самое поразительное воздействие. За событиями в России следили с огромным вниманием, и, казалось, новый дух повеял в народе. Они устали от своих правителей и, следуя примеру русских, пришли к мысли, что можно иметь другие, лучшие формы правления» [5, с. 198].

Но влияние принесенных с территории Российской империи революционных идей неравномерно распространялось по территории Персии и затронуло преимущественно северные провинции этого государства. Помимо очевидной территориальной близости к границам Российской империи это объяснялось спецификой колонизации Персии. В отличие от многих восточных государств, Персия сохранила формальную независимость, но фактически оказалась разделена на сферы влияния между Россией и Великобританией. При этом, в отличие от полуколониального Китая, раздел персидского государства имел относительно четкие географические границы.

Северные провинции (Иранский Азербайджан, Гилян) считались сферой влияния России, поэтому местное население связывало все тяготы своего положения не с более ощутимой экономической экспансией англичан, а с политикой Российской империи. К тому же в понимании простого населения Россия более очевидно, чем Великобритания влияла на ненавистную шахскую власть. Приграничная с Россией провинция Иранский Азербайджан являлась местом пребывания наследников шахского трона в качестве губернатора Тебриза. С последней трети XIX века при шахском дворе действовала казачья бригада, руководимая русскими офицерами. Примечательно, что ближайшим советником и воспитателем шаха Мухаммеда Али был российский дипломат и востоковед С.М. Шапшал. По этим причинам жители северных провинций Персии с большим пониманием относились к идеологии большевиков, которая отрицала монархический строй, колониальную политику, социальное и имущественное неравенство.

Но не все положения большевистской идеологии соответствовали настроениям персидского общества. Наиболее непримиримым противоречием было отношение к религии. В шиитской Персии религия воспринималась как высшая ценность, а авторитет духовенства был выше шахской власти. Поэтому, чтобы распространить свое влияние на персидское общество, большевики не только не использовали атеистическую концепцию, но даже заимствовали у мусульман некоторые организационные формы. Связующим звеном между российскими большевиками и персидскими революционерами становится мусульманская социал-демократическая организация «Гуммет». Во время иранской революции при содействии большевиков на территории Персии создаются организации «муджахидов», само

название которых имеет религиозное происхождение. Программа ряда обществ муджахидов содержала требования, схожие с программой РСДРП (введение всеобщего, прямого, равного избирательного права и тайного голосования; свободу личности, слова, объединений и стачек; конфискацию шахских и выкуп ханских земель и раздел их между крестьянами; 8-часовой рабочий день, всеобщее обязательное и бесплатное обучение).

Влияние российских революционеров на события иранской революции 1905–1911 гг. по-разному проявлялась на ее различных этапах. На начальном этапе революции главную роль сыграло шиитское духовенство. Неслучайно первая иранская конституция 1906–1907 гг. не имеет ничего общего с большевистской идеологией, рабочие даже не получили избирательного права. Но после попытки шаха осуществить контрреволюцию центр событий перемещается в северные провинции, в которых проживало значительное количество сторонников большевиков. В наибольшей степени это относилось к провинции Иранской Азербайджан со столицей в г. Тебриз, в котором была создана первая в стране социал-демократическая группа. Именно этот город возглавил сопротивление шаху на втором этапе революции.

Большую помощь тебризцам оказывали выходцы с Кавказа, в том числе «Бакинский комитет помощи иранским революционерам», во главе которого стоял Мешади Азизбеков – азербайджанский революционер, социал-демократ, впоследствии казненный в числе легендарных 26 бакинских комиссаров. Помимо оружия, в Персию из России направлялись добровольцы из числа социал-демократов. Российское посольство в Персии доносило в Петербург, что отряды Саттар-хана получают серьезную помощь от закавказских революционеров и без нее вряд ли смогли бы продержаться столь продолжительное время. Известно, что личная охрана Саттар-хана состояла из дагестанцев и насчитывала 250 человек, а артиллерийскими подразделениями Саттар-хана командовал русский моряк Т.А. Гончаровский по прозвищу «Апеша» – бывший матрос броненосца «Потемкин», оказавшийся на персидской земле. При участии русских социал-демократов в Гиляне подпольный революционный комитет организовал в феврале 1909 г. восстание. Революционеры убили губернатора Гиляна, захватили власть в Реште и начали готовить поход на столицу [1, с. 11].

Таким образом, именно на примере Персии известный тезис о «пробуждении Азии» под влиянием русской революции 1905–1907 гг. работает наиболее зримо и очевидно. В этой стране российские революционеры имели сильные позиции и устойчивый канал влияния. В то же время не следует преувеличивать значение большевистского фактора в иранской революции 1905–1911 гг. В этом событии переплелись несколько течений, а отечественные социал-демократы только катализировали недовольство общества шахской властью и придали революции более организованный характер.

Список использованной литературы

1. Генис, В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1922 / В. Л. Генис. – М. : МНПИ, 2000. – 560 с.
2. Из листовки Бакинского Комитета РСДРП // Хрестоматия по истории международных отношений. – Вып. II. – М., 1972.
3. Ленин, В. И. Горючий материал в мировой политике / В. И. Ленин // Хрестоматия по истории международных отношений. – Вып. II. – М., 1972.
4. Отходники / Ю. М. Плюснин [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2013. – 364 с.
5. Риза Шабани. Краткая история Ирана / Риза Шабани. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 382 с.